

Уголовный кодекс

Так уж совпало, практически одновременно с переменами в КГБ, 22 декабря 1958 года, Сессия Верховного Совета СССР утвердила новые «Основы уголовного законодательства Союза СССР». Взамен действовавших с 31 октября 1924 года и основательно «отредактированных» Сталиным в 1930-е годы за два последних года подготовили новые «Основы». Советское законодательство становилось более цивилизованным, «чрезмерную суровость наказаний», продиктованную сталинским тезисом «ужесточения классовой борьбы по мере продвижения к коммунизму» заменяли общепринятыми в мире нормами, дали больше свободы союзным республикам в деле поддержания законности на их территории.

Приведу только некоторые, по тому времени «революционные» изменения законодательства. Запрещалось использовать столь удобное для обвинения понятие «врага народа, врага трудящихся». Для осуждения теперь требовались более веские, а главное – конкретно доказуемые обвинения. Уходило в прошлое наказание за «намерение». Еще недавно «тройки» автоматом штамповали «25 лет лагерей» за «попытку к намерению совершения террористического акта». Даже не за намерение, а за попытку к нему! Повысили возраст наступления уголовной ответственности с 14 до 16 лет, отменили «поражение в политических правах», запретили высылку из страны как меру наказания, провозгласили гласность судебного разбирательства и независимость судей. Предлагалось допустить адвокатов к делу еще на стадии предварительного расследования, содержание подследственных в тюрьме ограничить конкретными сроками и даже освобождать из-под стражи на время следствия до суда арестованных, не представлявших опасности для общества.

Что тут началось! Генеральный прокурор, председатель КГБ, министр внутренних дел встали на дыбы. Не забывайте, что «адвокат» большинству людей представлялся личностью подозрительной, а его занятие весьма непристойным. Он защищал «заведомых» преступни-

ков, арестованных и избитых следователем. Порядочный человек помогать преступникам не станет. Теперь же этим «не заслуживающим доверия личностям» позволят копать в сведениях, с таким трудом добытых нашими героями-чекистами. О какой тайне следствия можно после этого говорить?!

Освобождение из-под стражи арестованных до суда, по мнению правоохранительных структур, вообще ни в какие ворота не лезло, они считали, что тем самым в законодательство протаскивалось недоверие к «органам». Как будто «там» не знают, кого арестовывают. Как и в случае с адвокатурой, большинство населения разделяло их точку зрения. Ни разоблачения чудовищных политических преступлений, ни появившиеся на экранах кинофильмы, намекавшие на возможность следственных ошибок, не смогли поколебать вколотой с детства веры в непогрешимость «органов». Веру вообще поколебать крайне трудно, доводам разума она не подвластна.

Не все удалось провести в жизнь, многое из Кодекса осталось на бумаге, но первый шаг сделали. Первый шаг из сталинского «средневековья» в цивилизованный мир.